

ПОДЪ ЗНАМЕНЕМЪ РЕВОЛЮЦІИ.

Органъ Енисейскаго Союза Учащихся.

Енисейскому Училищному
Союзу в г. Норильск.

№ 54. 1917 г.

Описание 2-го и 3-го номеров.

№ 2.

Енисейскъ. 21 апрѣля 1917 г.

№ 2.

7-го апрѣля 1917 г. въ 5 час. вечера отъ выстрѣла въ високъ скончался нашъ товарищъ, уч. VI класса мужской гимназіи **И.н. Буданцевъ**.

Свѣтлой памяти товарища **И. Буданцева**.

Измученный внутреннимъ душевнымъ разладомъ, истомленный недоверіемъ къ себѣ, приверженный прежнимъ школьнымъ режимомъ, не вынесъ нашъ товарищъ тяготы жизни. Онъ навѣки ушелъ отъ насъ. Ушелъ безвременно и одиноко, какъ жилъ.

Какою горечью кипѣло его сердце, какою тоской томилась его душа, объ этомъ никто не зналъ. Мы видѣли его среди насъ, онъ съ нами трудился, онъ шелъ съ нами одной дорогой, но мы прошли мимо него съ закрытыми глазами. Мы не разглядѣли въ лицѣ его затаенной мучительной скорби. И только тогда, когда раздался выстрѣлъ, мы вздрогнули, мы вдругъ раскрыли широко глаза. Но было уже поздно: — мы увидѣли холодящее тѣло нашего товарища.

Дорогіе юноши, дорогія дѣвушки! Въ глубокой печали, въ глубокомъ безмолвіи склонимся передъ его могилой. И пусть каждый изъ насъ навсегда, на всю жизнь запомнитъ, что надо больше искренности, больше теплаго участія, больше чуткой заботливости въ отношеніяхъ къ человеку, чтобы ни одна молодая жизнь, — ни одно молодое деревцо изъ нашего сада не сломалось подъ напоромъ жизненныхъ бурь и невзгодъ.

В. Л.

Товарищи учащіеся!

Пробилъ послѣдній часъ отжившимъ порядкамъ. Вся всколыхнувшаяся Россія съ жадностью вглядывается въ будущее, съ незатаенной радостью ждетъ полного своего обновленія. Въ хаотической, на первый взглядъ, ломкѣ стараго, въ беспорядочномъ разрушеніи всѣхъ прежнихъ государственныхъ устоевъ внимательный взоръ замѣтитъ контуры новаго стройнаго зданія молодой, возрожденной Россіи. Только тому, кто не понимаетъ, кто не сознаетъ грандіозности революціонной встряски, только тому, кто видитъ падающія балки, срывающіеся бревна, отваливающуюся штукатурку стараго дома Романовыхъ — только такому человеку и можетъ показаться, что Россія наканунѣ гибели, наканунѣ тяжелыхъ пораженій, какъ изнутри, такъ и извнѣ.

Нѣтъ, товарищи, Россія сейчасъ, какъ молодое вино: оно бродитъ, бурлитъ, движется. Но пройдетъ время броженія, пройдетъ переходная эпоха отъ гнетущаго прошлаго къ легкому будущему и молодое вино станетъ крѣпкимъ животворнымъ напиткомъ. Нечего бояться потрясеній. Надо готовиться къ нимъ. Надо стать твердыми, сильными, смѣлыми.

Нечего облыщаться: быть можетъ, родина нашей придется перенести еще много

тяжкихъ, много трудныхъ дней. Такъ что же? Не мы ли ея дѣти? Не мы ли страстно, не мы ли беззаветно любимъ ее?

Намъ грозятъ нѣмцами. Но мы знаемъ, но мы свято вѣримъ, что германскій народъ не подниметъ окровавленнаго меча на вѣную, жизнерадостную, на вольную Россію. Наши германскія братья — рабочіе поймутъ, что это зовется предательствомъ, поймутъ, что никто, ни единая сила въ мірѣ не сможетъ раздвинуть революціоннаго народа! Пусть германская лава хлынетъ мутной волной на насъ, — мы отобьемъ всю грязь, мы покажемъ всему міру, что мы умѣемъ не только завоевать свободу, мы сумѣемъ и отстоять ее!

Намъ грозятъ еще контръ-революціонными попытками старой власти, темными заговорами спрятавшихся реакціонеровъ, насъ пугаютъ монархическими бандами. Не бойтесь, товарищи, и этого! Не страшны намъ они, ибо пасть ниже, чѣмъ монархисты нали, невозможно. Монархія опозорила себя до конца. Русскій народъ не приметъ отнынѣ никакихъ: ни абсолютныхъ, ни конституціонныхъ монархій. Довольно! Предателямъ народа мѣсто не на тронѣ, а на каторгѣ. А того, кто своей горностаевой царской мантией покрывалъ Сухомлиновыхъ, Мясоѣдовыхъ, Протопоповыхъ и бесчисленное множество другихъ, того, кто

Экз 3765

Д 190-9

готовъ былъ открыть двинскій фронтъ и влить въ Россію море нѣмецкихъ штыковъ, того не пощадить всероссійскій народный судъ!

Будемъ спокойны. Петроградскій Совѣтъ Рабочихъ и Солдатскихъ депутатовъ зорко слѣдитъ за Романовыми и за всѣми ихъ приспѣшниками. Онъ задавитъ, онъ придушитъ малѣйшее посягательство на новый строй. Какъ исполнитъ, какъ славный витязь, въ виду всей Россіи стоитъ сейчасъ настражѣ народныхъ интересовъ Петроградскій Совѣтъ Депутатовъ.

И еще грозятъ намъ внутреннимъ разладомъ, внутренней неурядицей.

Обывательское сознание все еще не можетъ свыкнуться съ новыми диковинными порядками. Оно прямо придавлено широтой и полнотой свалившихся ему свободъ. Оно боится еще пользоваться ими. Оно робко, съ осторожкою со всѣхъ сторонъ подходитъ къ этому драгоценному кладу и не рѣшается прикоснуться къ нему.

Обывателю все еще непонятно, какъ можно открыто на улицахъ, на площадяхъ, въ общественныхъ мѣстахъ—вездѣ и всюду говорить то, что думаешь, то, во что вѣруешь. Ему все еще ужасной кажется та борьба партій, которая идетъ всенародно на митингахъ.—Да, вѣдь, это бунтъ! Да, вѣдь, эти социалисты смущаютъ народъ! Да развѣ можно говорить такъ, какъ они говорятъ? И обыватель спѣшитъ спрятаться въ свою раковину, спѣшитъ укрыться въ ней, какъ подобаетъ мужественному гражданину. А затѣмъ ужъ, изъ своего темнаго маленькаго уголка начинаетъ каркать: „Не одобровать Россіи. Доведетъ ее до гибели партійная грызня. Не надо многоголосицы. Зачѣмъ разворѣчивость мнѣній? Лучше помолчимъ“.

Но молчать, товарищи, нельзя. Нельзя слѣдовать старой рабской привычкѣ. Пера разомкнуть онѣмевшія уста. Гражданинъ долженъ говорить. И пусть не страшаютъ насъ какой-то разрухой, какими-то бунтами. Изъ столкновени рѣзко противоположныхъ мнѣній и рождается та ослѣпительная искра, которая зовется истиной.

Товарищи! сейчасъ не время пессимизма, не время отчаянія, сомнѣній, страховъ, не время постыднаго вороньяго карканья. Бодрость, вѣра въ свое дѣло, прямолинейность, твердость до конца—вотъ наши девизы. И жалокъ тотъ, кто въ дни такого великаго подъема, въ дни такой героической, безкорыстной, такой безпримѣрно-красивой борьбы не даетъ родинѣ ничего лучшаго, чѣмъ собственную трусость да хнызанья!

Реданторъ.

Пасынки жизни и школы.

До великаго переворота, сокрушившаго на своемъ пути всѣ препятствія, всѣ преграды къ свѣту и знанію, положеніе еврейскаго ребенка было ужасно.

Съ какой надеждой, съ какимъ воодушевленіемъ ждуть родители да и самъ

ребенокъ момента поступленія его въ школу. Но режимъ, душившій всю Россію, еще съ большей силой душилъ евреевъ; и самый нѣжный, самый беззаботный періодъ нашей жизни— дѣтство омрачалось этимъ жестокимъ безправіемъ. Ждетъ ребенокъ съ нетерпѣніемъ того момента, когда его отвѣдуть держать экзаменъ. Наконецъ, дождался, пошелъ, выдержалъ—значить и ученикъ. Но на дѣлѣ вышло не такъ. Ему нужно было ждать осени, когда ему скажутъ, повалъ ли онъ въ число процентовъ, или, за послѣднее время, по жеребьевкѣ; и тогда ребенокъ со страдаіемъ обращался къ своимъ родителямъ и просилъ объясненія: „Мама, да почему же Ивановъ или Степановъ выдержалъ хуже меня, а его приняли?“

Вотъ тутъ то и приходилось самимъ родителямъ вливать отраву въ душу ребенка и уяснять ему, что онъ не человекъ, а еврей!..

Тѣмъ немногимъ счастливицамъ, которымъ удавалось преодолѣвъ всѣ препятствія, попасть въ школу, предстоялъ впереди еще тернистый тяжкій путь. Помимо того, что ученикъ—еврей несъ на себѣ общій гнетъ тяжелаго школьнаго режима, ему приходилось переносить еще насмѣшки и презрѣніе товарищей, и только за то, что онъ еврей. Часто ребенка—еврея, быть можетъ, совсѣмъ безсознательно жалили словомъ „жидъ“. Эту ненависть къ евреямъ дѣти приносили въ школу изъ темной но интеллигентной среды своихъ родителей. Однако, несмотря на все это, случалось, что проходило нѣсколько лѣтъ и русскіе учащіеся сживались съ еврейскими, искренно привязываясь къ нимъ.

Положеніе учащагося—еврея было тѣмъ безотраднѣе, что и преподаватели относились къ нему крайне несправедливо, давая ему понять, что онъ не болѣе, не менѣе, какъ „жидъ“. Вотъ въ такой атмосферѣ незаслуженной ненависти и презрѣнія приходилось жить и учиться еврейскому ребенку. Но теперь, когда яснымъ заревомъ надъ Россіей вспыхнула революція, когда старое правительство вмѣстѣ съ Николаемъ II низвергнуто, евреи наравнѣ съ другими народами получили свободу. Передовая русская интеллигенція, русскій рабочій классъ, долгіе годы работавшіе рука—объ—руку съ еврейскими товарищами надъ освобожденіемъ Россіи отъ царскаго ига, громко воскликнули: „Намъ не нужно порабощенія другихъ народовъ! Евреи, проливавшіе кровь за свободу Россіи, имѣютъ такое же право на жизнь и счастье, какъ и другіе народы!“

Мы, еврейскія дѣти, ваиваемъ и надѣемся, дорогие товарищи, что всѣ вы поймете навстрѣчу этому справедливому призыву; мы вѣримъ, что ваши молодые души братски отнесутся къ еврейскому ребенку съ перваго же дня поступленія его въ школу. Своей дружбой и лаской вы постараетесь загладить немалые грѣхи прошлаго по отношенію къ намъ, а взамѣнъ этого вы получите отъ насъ самую теплую привязанность и любовь, какую можно встрѣтить въ отношеніяхъ брата къ брату.

Пусть же всё учащиеся без различия национальностей объединятся и сольют свой голоса в один мощный крик: „Да здравствует братство народов! Да здравствует свободная школа! Да здравствует демократическая Россия и ее революционная армия!“

П. Тонконогов.

Б у р я.

*Въ небѣ душномъ забродили
Волны новыхъ, свѣжихъ тучъ
И съ высокихъ, дикихъ кручъ
Землю молніей облили!
Съ громомъ громъ заговорили,
И пронесся темный, влажный,
Буйный, жадный и отвашный
Вѣтеръ—бурень и могучъ!
Зашаталися, запыли,
Расшумѣлися лѣса!
Потемнѣли сосны, ели,
Заклубицяся зловеще
Въ черномъ дымѣ небеса!
Бьется, рвется и трепещетъ
Въ жаждѣ бышенаго боя,
Сердце, сердце молодое!..
Кровью молнія сверкаетъ,
Цѣпи въ мечъ переливаетъ!
Зось разбила тучный храмъ—
Тамъ ломаетъ своды тюрьмъ!
Слава тучамъ! Слава бурямъ!
Слава вѣчная бойцамъ!..*

Ө. Лыткинъ.

Помѣняя статью тов. Буданцева, я хотѣлъ бы сказать слѣдующее: эта статья цѣнна не тѣмъ, что она приводитъ убедительные факты: реальных, осязательныхъ фактовъ въ ней совсѣмъ нѣтъ, а тѣмъ, что она даетъ такой богатый психологическій материалъ, продумывая который, читатель воочию увидитъ, какъ глупо вліяла на юношество старая самодержавная школа. Редакторъ.

Въ высшей степени ненормальныя условія нашей ученической жизни, которыя теперь, впрочемъ, къ великой нашей радости, устранены, заставили меня написать эту статейку, чтобы хотя отчасти освѣтить темныя, мрачныя стороны постановки педагогическаго дѣла въ Енис. муж. гимназій. Все, что мы таили въ себѣ въ теченіе столькихъ лѣтъ, все, что наболѣло, что требовало какого-либо исхода, все, о чемъ чувствовалась потребность говорить,—обо всемъ этомъ мы будемъ говорить, обо всемъ этомъ мы будемъ писать. Довольно мы, учащиеся, молчали, довольно намъ затыкали глотки и не давали пикнуть! Настали другія времена! Изъ самой глубины души поднимается жгучее чувство протеста, захватываетъ все существо, заставляетъ негодовать, принуждаетъ возмущаться, и все дальше, все больше увеличивается потребность высказать, излить все наболѣвшее, рассказать о жизни учащихся въ стѣнахъ гимназій. Хотѣлось-бы закрыть глаза, чтобы не видѣть подлости и низости людской, но грубая, неумолимая дѣйствительность какъ

бы нарочно раскрываетъ всѣ эти язвы, всѣ изъяны жизни. И что всего ужаснѣе, видя все это, мы вынуждены были молчать и молчать. Въ противномъ же случаѣ г. г. Бороховичи расправлялись съ нами по своему. Вотъ о Бороховичѣ-то и хотѣлось-бы мнѣ кое-что сказать.

Свою педагог. дѣятельность въ Е. М. Г. г. Бороховичъ началъ съ 1913 года и началъ онъ ее съ безошадной травли учащихся. Въ первый же годъ его преподавательства онъ довольно близко сошелся съ директоромъ Френкелемъ, безпринципнымъ и двуличнымъ господиномъ. Началось коренное, радикальное преобразование гимназій. Эти господа рѣшили, повидимому, поставить дѣло на своихъ началахъ. Въ этотъ памятный для всѣхъ учащихся годъ была произведена тщательная фильтровка учащихся и немало ихъ было изгнано, исключительно по инициативѣ г. Бороховича. Итакъ, эти юноши, полные силъ, полные, быть можетъ хорошихъ стремленій, оказались выброшенными, какъ негодный хламъ. Ихъ жизнь была искалѣчена, изломана. Имъ не суждено было закончить свое образованіе, благодаря, единственно, желанію г. Бороховича, благодаря лишь бессмысленному деспотизму одного преподавателя, котораго еще терпятъ, который еще прочно держится на своемъ посту, но котораго—я твердо вѣрю въ это—постигнетъ участь г. г. Шехмана и Евѣева. Въ классѣ г. Бороховичъ

ведетъ себя самымъ возмутительнымъ образомъ, (хотя нужно замѣтить, что первое время послѣ удаленія двухъ преподавателей, онъ былъ, какъ говорится, тише воды, ниже травы). Его непрестанные окрики, его сарказмы, его утонченные приемы насмѣшки по адресу ученика обезличиваютъ послѣдняго, заставляя переносить самыя тяжелыя нравственныя страданія. А необходимость молчать, изъ боязни быть исключеннымъ, заставляла переживать тяжелое обидное чувство приниженности и какого-то безсилія передъ подобными ненормальными явленіями. Имѣютъ-ли, спрашивается, г. г. педагоги какое-нибудь моральное право такъ бессмысленно, такъ безжалостно калѣчить, ломать жизнь человѣка; такъ грубо, такъ цинично вторгаться въ то, что свято для него и до такой степени не считаться съ нашимъ самолюбіемъ, съ нашей интимной внутренней жизнью?! Все это имѣло мѣсто и все это, повидимому, доставляло г. Бороховичу какое-то непонятное наслажденіе. И бывалъ онъ въ такія минуты, надо отдать ему справедливость, чрезвычайно изобрѣтательнымъ и находчивымъ.

Словомъ, въ этомъ отношеніи онъ достигъ высшей степени совершенства. Его сарказмы обыкновенно попадають прямо въ цѣль, и тогда какъ-то нравственно съживаешься, появляется какое-то желаніе спрятаться, уйти въ себя. Но это лишь одинъ моментъ: самолюбіе, сознание собственнаго достоинства беретъ свое и чувство приниженности смѣняется чувствомъ гордости.

Но подобное чувство протеста выливается въ какую-то жалкую форму: все это

такъ и остается невысказаннымъ, затаеннымъ. Является сознание своего безсилія. Все свѣтлое меркнетъ. Нѣтъ желанія работать. Нѣтъ стремленія жить, дорожить жизнью... Состояніе угнетенное и ничто тебя не радуетъ, напротивъ—все видишь въ мрачномъ свѣтѣ.

Описываю свои личные переживания, но лишь потому, что каждый—я увѣренъ и замѣчалъ—переживать то же самое. И г. Бороховичъ еще требуетъ уваженія къ себѣ! Не смѣшно-ли и не обидно-ли это? Его можно лишь презирать и ненавидѣть, но во всякомъ ужъ случаѣ не уважать. Когда было брошено по адресу нѣкоторыхъ педагоговъ обвиненіе въ безчестности, то г. Бороховичъ выступилъ съ рѣчью. А чѣмъ вы объясняете его выступленіе? Почему его такъ задѣло обвиненіе въ безчестности? Почему онъ принялъ это на свой счетъ? Чѣмъ объяснить, что никто другой, кромѣ него, не выступилъ съ протестомъ? Онъ, повидимому, рѣшилъ, что его постигнетъ заслуженная кара... Но выступленіе г. Бороховича истолковали въ хорошую сторону и вдобавокъ даже отсыпали кучу комплиментовъ, чѣмъ онъ остался, повидимому, доволенъ и послѣ чего, вѣроятно, выросъ въ своихъ собственныхъ глазахъ, почувствовавъ подъ собой надежную почву. Но съ этой почвы его необходимо, его во что бы то ни стало нужно столкнуть! Довольно! Долголѣтнее глумленіе надъ нами не должно пройти безнаказанно. Г. Бороховичу въ гимназій не мѣсто. Довольно мы наслушались его зычныхъ окриковъ: „Халамидники несчастные! Богадѣльчики!“ Какъ скверно все это влияетъ на психику, на внутреннее состояніе. Какой отрицательный отпечатокъ налагаетъ на нашу жизнь, на внутренній душевный складъ. Преподаватели нѣкоторыхъ изъ насъ называютъ ненормальными и даже полусумасшедшими. Это фактъ. А кто этому виной, какъ ни сами преподаватели и тѣ ненормальные условия, которые имъ очень и очень на руку. Они требуютъ уваженія къ себѣ. А какъ мы можемъ уважать ихъ, когда съ ихъ стороны не видимъ ни малѣйшаго уваженія къ личности, къ индивидууму?

Иннокентій Буданцевъ.

Сатанѣ и Богу.

Я не кусокъ дерева, который рубятъ и сжигаютъ;
Я не трава, которую топчетъ всякое животное, которая сохнетъ, спаленная солнцемъ;
Я не цвѣтокъ блѣдный, худосочный, чахнущій въ подвалахъ нашихъ жалкихъ, нашихъ безобразныхъ домовъ;
Я не камень, валяющійся въ грязной лужѣ или вбитый въ гулкую мостовую;
Я не свинья, трущаяся тупымъ рыломъ о заборъ;
Я не собака, взвизгивающая отъ плети и съ виноватой покорностью поджимающая повисшій хвостъ!

Я не кошка, рвущая на кровавые клочки внутренности мышенка.—

Нѣтъ!

Я—человѣкъ.

Человѣкъ, какъ богъ, одаренный прекрасной, неумирающей мыслью.

Но развѣ я счастливъ?

Развѣ меня не рубитъ слѣпая жизнь, какъ кусокъ дерева?

Развѣ меня, какъ траву, не топчутъ тысячи человѣческихъ ногъ?

Развѣ я не чахну, какъ цвѣтокъ?

Развѣ я не валяюсь въ грязи, какъ камень?

Развѣ моимъ тѣломъ не мостятъ гулкую дорогу войнъ?

Развѣ я не роюсь, какъ свинья, въ навозныхъ кучахъ нашей помойной жизни?

Развѣ я, какъ собака, не визжу, не вою подъ кнутомъ голода, отъ телчковъ, пинковъ, зуботычинъ, подзатыльниковъ родныхъ собратьевъ—людей?

И развѣ я, озлобленный, одиноко отчаявшійся, не готовъ, какъ кошка, разорвать на мясо вась, вороватія мышениата—оголтыбле, обезумѣвшіе отъ крови люди?

Богъ! Если Ты и есть, то ты двуликъ: ты Сатана и Богъ.

Какъ дьявольски ты надсмѣялся надо мною! Ты душу мою пронизалъ неутолимой жаждой истины, вѣчной тоской по безсмертію.

Ты далъ мнѣ, какъ факель въ руки гордый, неустанный въ вѣчномъ стремленіи, духъ,

Ты солнцемъ разума оварилъ, возвелъ меня передъ всей низкой земной тварью—

И ты-же, ты оставилъ меня ползать, пресмыкаться на землѣ, какъ тварь...

Ө. Лыткинъ.

О школѣ.

„Юношество—это вся будущность народа“. Такъ справедливо утверждаютъ все передовые, все мыслящіе люди. И они вполне правы. Развѣ не въ зеленыхъ побѣгахъ вся красота дерева и развѣ не въ нихъ вся мощь его? Посмотримъ-же теперь, какъ заботятся объ этой будущности народа, какъ формируются эти новые люди—эта гордость націй. Посмотримъ, какъ ихъ воспитываютъ, обучаютъ и что имъ даютъ для честной творческой жизни. Но т. к. процвѣтаніе и упадокъ школы неразрывно связаны съ общественной жизнью, то, чтобы обрисовать всю школьную разруху, мы обратимся къ обрисовкѣ недавняго состоянія общественной жизни.

Прогрессивное общество, сжатое тисками цензуръ, общество, которому законоплатили ротъ, которое лишено было самыхъ элементарныхъ гражданскихъ правъ, общество, скованное по рукамъ и ногамъ множествомъ разныхъ обязательныхъ постановленій, общество, передъ которымъ всюду висѣли однѣ знакомыя надписи: „Строго воспрещается“—такое общество не могло